

Г. М. СОЛДАТОВ

**АРСЕНИЙ МАЦЕЕВИЧ МИТРОПОЛИТ
РОСТОВСКИЙ
1696-1772**

ПРЕДИСЛОВИЕ Е. Л. МАГЕРОВСКОГО

**ST. PAUL, MINNESOTA
1971**

Г. М. СОЛДАТОВ

АРСЕНИЙ МАЦЕЕВИЧ МИТРОПОЛИТ РОСТОВСКИЙ

1696 - 1772

Предисловие Е. Л. Магеровского

Copyright © by George Soldatow

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Глава	Страница
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1. ВВЕДЕНИЕ	12
2. ЮНЫЕ ГОДЫ И РАННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРСЕНИЯ	19
3. МИТРОПОЛИТ ТОВОЛЬСКИЙ	34
4. ЧЛЕН СВ. СИНОДА	43
5. НА РОСТОВСКО-ЯРОСЛАВСКОЙ КАФЕДРЕ	55
6. АРЕСТ, СУД И ССЫЛКА	90
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97
ПОДСТРОЧНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	100
ПРИЛОЖЕНИЕ	110
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из основ величественного здания Российской Империи была Российская Православная Церковь. В древности церковь была тем животворящим источником, откуда брала свое начало впоследствии мощная и смиренная, возвышенная и снисходящая к каждому, всечеловеческая по своему характеру русская культура. В годы великих испытаний церковь бережно охраняла созданную ею древнюю культуру русского народа, расширяла ее и с родительской любовью передавала ее ценности последующим поколениям. Рука об руку с созданием русской культуры, создавалась и российская государственность.

В этом процессе следует заметить, что православная церковь в своем развитии опередила русскую государственность, достигнув монолитности и иерархического единства ранее, чем государственность. Таким образом, политическое единство образовалось на прочном основании единства духовной культуры и росло как одно из ее проявлений. Православная церковь естественно стала как бы идеологическим стержнем московской государственности, московского централизованного государства. И пока московская светская, государственная иерархия была еще недостаточно сильна, в Москве естественно создавалась та симфония между церковью и государством / правда, в несколько измененном виде /, которая была так характерна для Киевской Руси.

Церковь способствовала созданию московского государства. Она видела в этом органическое завершение процесса объединения русских земель, уже соединенных узами духовной культуры. С ростом московского централизованного государства, возрастал и утверждался в нем автори-

тет церкви. Однако, удержание гармонического равновесия между светской властью и церковью было делом трудным, и когда это равновесие нарушалось, иерархия церковная и иерархия светская вступали в конфликт и начинали борьбу друг с другом. Эта борьба существенно не отличается от конфликта между церковью и государством на Западе. Как там, так и тут дело сводится к борьбе двух иерархий, исповедующих — каждая по-своему — одну и ту же идеологию. Но есть и существенное различие: священно-германская, чешская, французская, английская политические иерархии власти пытаются ограничить на своей территории влияние иностранной, римской церковной иерархии. На Руси же обе борющиеся стороны принадлежат к одной и той же национальности и находятся в одних и тех же географических пределах.

В начале, до Смутного времени, этот конфликт проявляется лишь спорадически; достигает же он своего апогея уже в эпоху патриарха Никона.

Основное расхождение связано с ролью церкви в созидании московского государства. Спор между иосифлянами и заволжскими старцами шёл именно о той роли, которую церковь должна играть в московском государстве. Заволжские старцы, в сущности, полагали, что излишне близкое участие церкви в образовании централизованного государства приводит к огосударствлению церкви, к расширению кесарева засчёт Божьего. Иосифляне же видели в огосударствлении церкви — оцерковление государства, т.е., своего рода синтез церковного со светским, в котором церковное начало будет стоять несколько выше светского. Таким образом, надеясь на службу государства церкви, они ставили церковь на службу государству. Надо заметить, что говоря о церкви на службе у государства или о государстве на службе у церкви, следует сразу же указать, что поскольку на Западе эти категории были в общем реальными, в Москве ни теократизм, ни цезаропапизм не возникали в мыслях. Власть рассматри-

валясь в Москве как путь, ведущий к установлению режима абстрактного, но истинного благочестия, достойного Третьего Рима и Нового Иерусалима. Московское государство никогда не собиралось стать на место церкви, заменить собой церковь; оно всегда сознавало, что его главной задачей и залогом его благополучия было содействовать церкви в исполнении ее духовной, идеологической миссии. Это отнюдь не означало, что государство должно было капитулировать и передать функции великокняжеского и царского престола митрополичьему или патриаршему.

Однако, московская православная церковь, способствуя установлению самодержавной светской власти в Москве, стала считать себя вправе давать качественную оценку тем действиям государства, которые, по ее мнению, как-то влияли на осуществление принятой государством от церкви миссии. В конце концов, государство, устав от прямого и косвенного вмешательства церкви в сферы, которые оно считало своими, начало искать путей к ограничению такого, по мнению государства, чрезмерного церковного влияния.

Другое расхождение возникло постепенно после свержения татарского ига. Москва стала все больше и больше подвергаться действию иностранных влияний, сопутствующих установлению связей с заграницей. Беглецы от турецкого ига на Балканах устремились сначала на Западную Русь, а затем и в Москву, что положило начало так называемому "второму южно-славянскому влиянию", которое несколько позже перешло во влияние слегка латинизированной Западной Руси. Таким образом, новообретенное "истинное и древнее христианское благочестие" Московской Руси стало подвергаться опасности быть сокрушенным "эллинской и латинской ересями", как расценивались эти влияния многими консервативными москвичами. В том, что и то и другое было ересью и богоотступничеством у них сомнения быть не могло - Флорентийская уния,

падение Константинополя и насильственное проведение в жизнь Брестской унии на Западной Руси служили неоспоримыми доказательствами. В то же время появляется извне еще одна западная "ересь": в 16-том веке на Западе распространяется протестантизм, который прокладывает путь к постепенной секуляризации западной мысли. Хотя ни протестантизм, ни его предтечи не встретили радушного приема в Москве /Иероним Пражский дошел лишь до Витебска, Иоанн 4 изгнал послов Чешских Братъев из Москвы, а Афанасия Кульмана даже сожгли на Красной Площади/, все же к началу 18-го века московское правительство явно стало предпочитать иностранцев протестантов католикам, с которыми были связаны тяжелые исторические воспоминания, что постепенно открывало путь, по которому западный секуляризм мог начать свое проникновение в умы будущих московских преобразователей.

Огонь расхождений разгорелся во второй половине 17-го века. Взрывчатым горючим тут явилось неуклонное решение светских властей московского государства, куда уже всё чаще стали проникать далекие отзвуки западного рационализма, превозмочь результаты трехсотлетнего перерыва в общении с внешним миром и стать на путь модернизации. Дилемма, стоявшая перед московскими властями начиная с царствования Иоанна 4 заключалась в том, что Московское царство не могло долго просуществовать без радикальной модернизации, а внутренние потрясения, вызванные модернизацией, могли привести к исчезновению государства. Из пепелища Московского царства вышло государство Петра 1, вернувшего Россию в общеевропейскую культурную среду. В 18-ом веке восстало новое политическое образование с новой, более светской идеологией - родилась Российская империя. Патриаршество заменяется Духовной коллегией, а затем - Св. Синодом, и административно-иерархическая сторона церковной жизни ставится в полную зависимость от светских государственных властей. С реформами Петра 1

в России начинает распространяться ранее занесенный туда секуляризм, который быстро радикализируется и иногда даже принимает паталогические формы; с его помощью разрушаются старые отношения между церковью и оцерковленным государством, при его содействии происходит огосударствление церкви и рождается новое миропонимание, где теургия заменяется рационализмом.

Обрисованные в общих чертах радикальные изменения, которые Российское государство было вынуждено пережить за сто лет, - примерно с 1650 -го по 1750 -ый год, - не могли не только не оставить глубоких следов на теле российского государственного организма, но и исключить всякого рода попытки хоть частично возродить прошлую эпоху, сметенную ураганом модернизации.

Одной из таких попыток остановить колесо истории и повернуть его вспять посвящен труд Георгия Солдатова. Автор его обозрел почти все изданные за последние сто лет и находящиеся в С.Ш.А. материалы, касающиеся жизни и деятельности Арсения Мацеевича, некогда митрополита ростовского, впоследствии известного под именем Андрея Врала, а позднее и вплоть до самой его смерти официально именуемого "известным арестантом", содержавшимся в замурованной камере Ревельской крепости.

Идеологически, Арсений Мацеевич был последним "никонианцем"; он резко и открыто выступал против отмены патриаршества в России и введенного Петром 1 им же составленного "Духовного Регламента"; он не упускал случая, чтобы не указать светским властям, что власти церковные все равно выше их. Он был приверженцем хорошо дисциплинированной, сильной церковной иерархии, способной противостоять всяким посягательствам гражданских властей; на его взгляд, архиереи должны были обладать неограниченной властью в своих епархиях и ни в чем не зависеть от гражданских властей. Несмотря на то, что он сам был довольно хорошо образован, Арсений Мацеевич придерживался московских охраня-

тельно-консервативных воззрений, считая, что священников нечего много учить, так как излишние знания ведут к гордыне и обольщению.

Помимо московского духовного наследия, Арсений Мацеевич носил на себе отпечатки и других влияний. Ещё в Киеве, Арсений в молодости подвергся влиянию католичества, а учась в Киевской академии, он находился как бы на форпосте православия, где земля еще носила следы недавних кровавых столкновений и битв. В таких условиях редко кто удерживает духовное равновесие, и, в религиозных воззрениях Арсения Мацеевича начинают развиваться крайности. Только так можно объяснить его неуклонную догматичность, его склонность к крайним формам дисциплины, его полную нетерпимость и жгучую ненависть к инаковерующим, особенно к старообрядцам. Между тем, с его злейшими врагами — староверами роднили Арсения Мацеевича ранние его странствования по Сибири, где он впервые испытал сильные физические лишения, перенес цингу. Смолodu Арсений Мацеевич интересовался всякими апокрифическими сказаниями о будущем Православия как на Западной Руси, так и в Москве. Эсхатологическими повествованиями "о пришествии царствия двух императоров", которыми в Киеве он увлекался в молодости, он впоследствии устрашал своих стражников.

Обозревая жизнь и деятельность Арсения Мацеевича, можно сказать, что идейно это был человек 17-го века, живший по воле судьбы в 18-ом столетии. Не было ни одного вопроса в отношениях между государственной и церковной властями, по которому Арсений Мацеевич не имел бы своего определенного и непоколебимого мнения. Свои суждения он излагал прямо и решительно не взирая на лица. Таким образом, яркая и многогранная личность Арсения Мацеевича как бы вновь отразила в себе все идеологические "борения" Московского государства, наблюдаемые сквозь призму второй половины 18-го века, когда возврат к старым порядкам был уже настолько исторически невозможен, что даже призывы к

этому казались совершенно лишены смысла. И неудивительно, что при сопоставлении поведения Арсения Мацевича с конкретными требованиями его эпохи, ощущается во всей его жизни нечто нереальное, трагическое, походящее на дон-кихотство. И пусть этот эпитет не будет ему упреком, ведь по словам И.С. Тургенева, это качество весьма свойственно русскому человеку, упорно ищущему правду.

Е. Магеровский

Нью Йорк, декабрь 1969-го г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Со времени Иоанна Третьего, а затем и в царствование Алексея Михайловича, вставал вопрос, какая власть будет преобладать в Московском государстве: духовная или светская.

Духовная власть пустила глубокие корни во все области государства, внося путаницу в администрацию, суд и другие государственные учреждения, грозя уничтожить создававшуюся империю. Церковная власть шла рука об руку со светской властью при создании централизованного Московского Царства, но она не была в состоянии выйти из рамок царства в деле создания империи.

В государстве власть царя и Церкви переплеталась; законы были составлены при деятельнейшем участии духовенства. Церковь руководила народным образованием. Духовные лица были ближайшими советниками великих князей и царей. Постепенно на Руси воссоздавался византийский образ государственного управления. Сотрудничество между духовной и светской властью благополучно продолжалось до тех пор, пока Россия не стала превращаться в Империю. Духовные власти не могли воспринять новые идеи и всячески тормозили русский народ в построении нового государства. Государство, в лице царей и служилого класса, боролось против чрезмерных притязаний духовенства на участие в управлении государством, издавало различные указы, ограничивавшие дальнейшую возможность усиления духовной власти. Со своей стороны, церковные власти всячески боролись против государственного контроля.

Одним из самых острых вопросов было владение почти одной третью государственной территории духовенством, которое конкурировало с го-

сударственным хозяйством, подрывая экономику страны, привлекая на свои земли различными льготами население, а в других местах, побуждая чрезмерными притеснениями население к протестам и даже к восстаниям. Борьба за эти владения продолжалась долго. До издания Уложения во владениях московского патриарха находилось 6432 двора, а к концу столетия число дворов увеличилось до 9326; количество церковных и монастырских дворов выросло в это же время с 88 до 98 тысяч. Всего к 1678 г. в руках духовенства было около 116 тысяч дворов т.е. 13,3% всех дворов в Московском Царстве. В это же время самому государству принадлежало приблизительно 10% общего числа дворов в стране а остающиеся 76,7 принадлежали помещикам и дворцовому ведомству. Дворяне и купцы требовали чтобы Церковь участвовала в выполнении государственных обязанностей в частности в защите страны и развитии промыслов. Не все духовные лица были согласны с тем, чтобы Церковь обладала чрезмерно большими владениями, и призывали своих собратьев отдать лишнее государству. Создавая Империю Петр Великий, будучи выразителем духа того времени, смотрел на своих подданных с точки зрения их сословной принадлежности. Все сословия должны были подчиняться государственному закону и служить всеми силами государству. Монастырские земли Петр считал непродуктивными и пропадающими зря для государства, и несмотря на протесты патриарха Адриана, бывшего даже против частичной секуляризации, провел через Приказ Большого Дворца ряд указов по государственному контролю над церковным имуществом. После смерти патриарха Адриана в 1700 году, Петр немедленно передал управление церковными общинами государственным органам. В 1701 г. был издан указ, по которому монашествующим определено всем равное содержание и указано в будущем более не владеть имениями, т.к. это мешает исполнению монашеских обетов. Доходы с угодий стали собираться по указам Монастырского Приказа. В течение двад-

цати лет патриарший престол пустовал. Дело цесаревича Алексея окончательно убедило Петра, что нельзя надеяться на поддержку духовенства в деле создания Империи. Однако, вся система продолжала зиждиться на московской теории божественного происхождения царской власти. Никто не представлял себе государственную власть без монарха и монархию — без Церкви. Со своей стороны, монархи вмешивались только в административно-имущественные дела Церкви, но не догматические. Русским царям и императорам никогда не удалось достичь в Церкви положения, которое занимали византийские императоры, но практически, все отношения Государства и Церкви с учреждением Империи перешли в рамки, построенные по западно-европейскому протестантскому шаблону. Разрабатывались проекты нового для России управления государством — коллегией — и, среди них, духовной. Был создан Регламент Духовной Коллегии. В него внес изменения Феофан Прокопович ¹ и, наконец, сам Петр Первый, после чего он был подписан императором, сенаторами и духовенством. 25 января 1721 г. Духовный Регламент был издан при царском манифесте.

Автор Духовного Регламента разделил его на три части: в первой части указываются причины замены патриаршества в России Св. Синодом; во второй части определяется круг лиц и дел, подведомственных Св. Синоду; и в третьей части излагаются обязанности Св. Синода и его состав. Причиной реформы в Духовном Регламенте указана опасность совместного существования двух верховных, монархических по устройству, властей — духовной и светской. Простой народ, под впечатлением великих почестей оказываемых верховному пастырю, может считать его равносильным монарху или даже ставить выше его. Таким заблуждением могут воспользоваться властолюбивые или коварные люди в случае столкновения между двумя властями. А еще будет опаснее, если сам верховный пастырь захочет обратить такое мнение народа в свою пользу.

В первоначальном своем виде Святейший Синод состоял из 11 лиц:

президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех асессоров; в числе их были архиереи, архимандриты, игумены и городские протоиереи. Ведению Св. Синода подлежали: охрана чистоты христианской веры и нравственности, искоренение суеверия и расколов, освидетельствование чудотворных мощей, икон, духовных сказаний и сочинений, наблюдение за управлением епархий, избрание архиереев и духовных властей, суд над ними, наблюдение за соблюдением религиозных законов и духовным образованием мирян, вынесение решений о законности браков, наблюдение за постройкой церквей и монастырей, каноническое сношение с другими православными автокефальными Церквями. В качестве представителя государственной власти, в Св. Синод был назначен с 1722 года Обер-Прокурор. В то время как все члены Синода были духовными лицами, Обер-Прокурор назначался из светских. Он был ответственен перед императором, которому докладывал о делах в Синоде.

Учреждением Святейшего Синода были обойдены древние положения Православной Церкви, недопускавшие какого-либо преобладания светской власти над властью епископов в церковных делах. С учреждением Св. Синода слова Собор и Синод стали тождественны в России. Собор представлялся как Вселенский или как Поместной Церкви. Синоды были при восточных патриархах как вспомогательные и подведомственные патриархам учреждения. По духовному Регламенту, особенность Синода Русской Православной Церкви, по сравнению с Синодами прочих Церквей /кроме греческой/, состоит в том, что он, по своей власти, равен каждому из восточных патриархов. Духовным Регламентом Св. Синод представлен как постоянный поместный Собор епископов русской автокефальной Церкви со всеми правами власти и решений в делах веры. Члены Св. Синода в письме к имп. Петру Первому указали: "...Духовная же Коллегия /Синод/ имеет честь, силу и власть патриаршескую, или едва и не большую, понеже Собор..."² Мысль о супремации Государя в административных и имуществен-

ных делах, по Духовному Регламенту, нашла себе выражение не только в мотивах духовного закона, но и в самом содержании его, так как члены Синода в приносимой ими присяге обязаны были клятвенно "исповедывать крайнего судью духовные сея коллегии быти самого всероссийского монарха", они должны были клясться в верности членам династии и служить государству.³ Все делопроизводство Синода шло под штемпелем: "По указу Его Императорского Величества..." На обязанности духовенства смотрели во время Петра Первого иначе, чем в период Московского Царства, и все это нашло себе выражение в Духовном Регламенте, где сделаны язвительные нападки на старинные порядки управления Церковью и жизнью духовенства. Есть там даже намеки на ту или другую личность из числа противников реформы, особенно богата ими глава "о проповедниках слова Божия".

Государственная власть, создав новый церковно-административный порядок, взялась за проведение его в жизнь. Петр Первый постарался соблюсти законность учрежденного им Синода получением утверждения этого учреждения восточными патриархами. Он также заставил и русское духовенство утвердить Духовный Регламент. Впоследствии русские императоры продолжали вносить изменения в Духовный Регламент.

В 1721 году Синод писал митр. Сарскому и Подонскому Игнатию, что Синод имеет "честь данную ему от Царского Величества" и требует беспрекословного себе повиновения.⁴ В Сенат Синод написал, что он требует "о всех важностях определения от Крайнего Судии - Его царского Величества".⁵ Символом царского присутствия в палате заседаний в Синоде осталось золоченное парадное царское кресло.

Итак, Церковью стал править император, а Синод, т.о., являлся только орудием, посредством которого управляли делами Церкви, да и сам Синод составлялся из лиц, назначаемых и утверждаемых императором.

После Петра Первого Синод разделился на две части. В первой за-

седало духовенство, занимавшееся всеми вопросами, кроме материальных; Во второй состояли светские лица, составлявшие Комиссию Экономии и занимавшиеся хозяйственными делами церковных имений. Комиссия Экономии не всегда была подчинена духовным лицам и старалась собрать возможно большее количество средств с церковных имений на государственные нужды, вследствие чего происходили с духовенством недоразумения.

После смерти имп. Петра Первого наступило время частых смен императорской власти, во время которого пострадало много духовных лиц по подозрениям в нелояльности к авторитету центральной государственной власти. Духовная власть пала совсем низко, и Синод потерял в глазах духовенства какое бы то ни было значение. Воцарение имп. Елизаветы Петровны было встречено восторженно духовенством и народом, т.к. она была своя - русская и православная. Духовенство ошибочно думало, что она вернется к старым московским обычаям, нарушенным Петром Первым. Однако, это было невозможно по многим причинам, и борьба за проведение в жизнь прежде учрежденных Петром законов по контролю государственной власти над Церковью продолжалась. В царствование Елизаветы возвышается митр. Арсений Мацеевич, ученик Киевской Школы.⁶ Арсений явился открытым противником Синоду, государственному контролю над церковной администрацией и секулиризации церковных имений. Он выступил за восстановление патриаршества, однако был не в силах изменить или остановить течение истории и погиб в борьбе за сохранение старых идей и порядков. Вокруг имени Арсения был создан ореол мученика за Церковь. В среде духовенства были созданы сказания о его пророческом даре, говаривали о чудесах. Арсений явился в 18 веке последним открытым выразителем Московских порядков. После Арсения уже не было примеров такого протеста против государственного административного контроля над Церковью. Пример ареста и ссылки Арсения заставил духовенство подчиниться государственной вла-

сти. Все высказывавшие недовольство умолкли, и Арсений один пострадал за многих. Коллегиальная система управления делами Церкви победила.

Указом имп. Екатерины Второй от 26 февраля 1764 года все церковные имущества были изъяты из духовного ведомства и перешли полностью к государству. Проведение секуляризации в России не явилось чем-то новым в государственной жизни. Она проводилась в Древнем Египте и также в других христианских странах. В то время как секуляризация церковных земель в Западной Европе вызвала междоусобные войны или была часто следствием перемены веры, в России она прошла более или менее спокойно. Духовенство, бывшее против нее, сделало выводы из примера Арсения и открыто не выражало протеста.

Во время проведения секуляризации в России Арсений был в заточении, сначала как простой монах, а потом под именем мирянина Андрея Браля - как узник Рижской крепости. Место его ссылки не было почти никому известно, и к нему не допускался никто, кроме охранявших его солдат. О его кончине тоже почти никто не знал.

О самом Арсении Мацеевиче не появлялось никаких печатных сообщений в течение ста лет после его смерти. Наконец, государственная власть допустила исследователей к архивам и делам, в которых говорилось об опальном митрополите. Было написано несколько трудов о нем и много статей, но из-за происшедшей в России революции дело Мацеевича не было окончательно раскрыто. Неопубликованы и не изучены его проповеди, находящиеся в Ленинградской и Московской библиотеках. Все дело Арсения в статьях и истории представлялось по отдельным указам, заметкам и его протестам, и, поэтому, не было полностью освещено. Если и писалось о нем, то часто наблюдалась тенденциозность: вокруг него создавались мифы, славящие или порочащие его имя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЮНЫЕ ГОДЫ И РАННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРСЕНИЯ

Арсений Мацевич /в миру Александр Иванович/, родился в 1696 или в 1697 году в городе Владимире-Волынском. Отец его, Иван Мацевич, был униатский священник, позднее перешедший в православие, служивший при Спасской церкви во Владимире, возникшей на месте упраздненного Базилианского монастыря. Род Мацевичей шел из мелкопоместной польской шляхты. В раннем детстве Александр был свидетелем борьбы за свободу православной религии и независимость от Польского государства. Александр слышал рассказы о страданиях за "русскую веру" и наблюдал, как тысячи людей бежали на левый берег Днепра. Дед Александра, Василий, рассказывал ему о том, как он был в плену у турок в Константинополе, как тяжела там жизнь христиан; и как христиане с нетерпением ожидали освобождения. По его рассказам, у самих турок было предание, что они будут только 300 лет владеть Константинополем. Этот срок истекал в 1753 году. В это время в Оттоманской империи все православные обращались к России и смотрели на нее с надеждой на освобождение. На Волыни было много рассказов и различных преданий "о будущем торжестве православия", и впоследствии, когда он уже был митрополитом, Арсений рассказывал о некоторых из них как о несомненных фактах. Неудивительно, что юношеское воображение Александра было занято героями за независимость; такие же настроения были и среди его соучеников в школе и прихожан в церкви.

Учился Александр во Владимирской, Варенисской, а затем во Львовской "академиях" под руководством католических монахов; дойдя до школы риторики.¹ В 1715 г. он решил переселиться на Русь. Летом он пере-

шел границу и, явившись к префекту Киевской академии, просил разрешить ему продолжить учение там. Это разрешение он получил, но академии не кончил. Учась там, Александр переходит из униатства в православие.

Таким образом, Александр получил начальное образование в католических академиях, под руководством монахов, от католичества он усвоил хорошо латинский язык и взгляды на высшую церковную власть, которая будто бы выше государственной. Эти взгляды Александр сохранил на всю свою жизнь. После принятия православия, Александр отправился в Новгород-Северский, в Спасский монастырь и там от иеромонаха Геннадия Стефановича принял пострижение в монашество под именем Арсения.

После принятия монашества Арсений остался на два года в монастыре, где нес клиросное послушание и обучал в школе детей латинскому языку. Через год после принятия монашества Арсения посвящает в сан диакона епископ Черниговский Антоний Стаховский, который, впоследствии ставши митрополитом Сибирским, не забыл об Арсении и пригласил его к себе в Сибирь. Но через год он уже просится из монастыря снова в Киевскую академию для продолжения образования. Арсения из монастыря отпускают и, он продолжает в академии свою учебу, одновременно исполняя иеромонашескую обязанность и занимаясь проповедничеством.

У Арсения с юношеских лет проявляется беспокойный характер, вследствие чего он учится сначала в трех различных католических академиях, затем бежит через границу в Киев, где поступает в академию, переходит в православие, но не может спокойно сидеть даже в Киеве. После окончания академии в 1726 году Арсений в течении двух лет состоял при архиепископе Киевском Варлааме Вонатовиче проповедником. В 1728 - 1729 г.г. Арсений пребывал в должности проповедника в Киево-печерской Лавре у архимандрита Варлаама Сенютовича. В 1729 году Арсе-

ний переехал в Чернигов, где епископ Иродион Жураковский направил его на послушание в Троицкий Ильинский монастырь. Епископ Иродион, разделявший мнение о независимости Церкви от государства, считал также, что Церковь должна руководить образованием.

Во время своего пребывания в Киеве Арсений познакомился со многими людьми, которые его впоследствии выдвигали на служебном поприще: Антонием Стаховским, Германом Концевичем и Амвросием Юшкевичем. У всех их, как и у Арсения, был одинаковый взгляд на светскую власть, которая, по их мнению, не должна вмешиваться в церковные дела.

Много лет спустя Екатерина Вторая писала, что югозападные школы сеяли начала ненасытного властолюбия и других "развратных правил", свойственных римскому духовенству.² Здесь Екатерина повторяет лютеранские высказывания в эпоху Анны Иоанновны, когда православные иерархи обвинялись в стремлениях "к папскому тиранству".³

Однако, отмечает в своем исследовании об Арсении Мацеевиче священник М. Попов:

"... Школы не могли дать Арсению целостного направления уже по одному тому, что он часто переходил из одной в другую. Лишь в формальном отношении они наложили схоластический отпечаток: у него мы видим схоластическое настроение речи, стремление заинтересовать читателя рассказами из естествословцев, характерная смесь религиозного содержания с шутками и рассказами, тяжеловатость шуток и схоластическая неуместность их. Но как только речь у него касалась практических тем, — она текла свободно, разнообразилась живыми примерами. Из сопоставления деловых его бумаг с научными трактатами уже ясно, что высшие школы логики и метафизики, которые Арсений проходил с перерывами, не оставили глубоких следов на складе его ума и не умерили его пылкого сангвинического характера".⁴

Строилась Российская Империя, которой нужны были деятельные и образованные люди среди всех слоев населения. В среде духовенства империя нашла таких людей в выходцах из южных школ. Все они быстро поднялись по иерархической лестнице и заняли высшие посты в Русской Церкви. Однако, многие из них были часто далеки от истинного под-

вижничества, последователи которого нередко выступали с резкой критикой этих выдвиненцев, обвиняя их в западных тенденциях, характерных для католицизма и протестантизма. Много лет спустя, когда Арсения назначили митрополитом Ростовским, мнение об этих новых людях высказал игумен Руф из Черниговского Клесовского монастыря: " хотя бы всех их перевешали, что мне до того".⁵

В 1730 году Арсения приглашает к себе в Сибирь ставший там митрополитом Антоний Стаховский. В Сибири в это время чувствовался большой недостаток в образованном духовенстве. Митрополиту нужны были люди для проповеди христианства среди язычников. Синод был не в состоянии посылать туда людей и советовал митрополитам Сибирским обойтись своими людьми. Арсений, не любивший долго быть на одном месте, согласился ехать в Сибирь и выехал в Москву, где пробыл целых три месяца, прежде чем добился от Синода выдачи ему паспорта на проживание в Сибири.

По приезде Арсения в Tobольск митр. Антоний поручил ему нести обязанности проповедника, а также быть экзаменатором ставленников, т.е. лиц, которым предстояло посвящение во диаконы или священники. В этой должности иеромонах Арсений, воспитанный в строгих традициях бурсы, с применением телесных наказаний, и к тому-же еще будучи живого, пылкого характера, твердый и настойчивый, показал большую строгость. Вскоре Арсений стал духовником при архиерейском доме. С печалью он видел использование церковных средств светскими властями и беспомощность митрополита помешать этому. Из-за этого многие киевские ученые монахи уезжали от Антония в другие места. Недолго высидел и Арсений на новом месте. Уже в 1733 году он, под предлогом поклонения черниговским святыням, поехал туда через Великий Устюг, а затем Холмогоры, где посетил архиеп. Германа Концевича. Из Холмогор Арсений поехал в Соловецкий монастырь, где он очень сдружился с иноками.

Впоследствии он с ними переписывался и посылал им пожертвования.

В то время в Соловецком монастыре были заключены многие старообрядцы. Содержали их строго, приковывали цепями к стене и непрестанно увещали покаяться в заблуждениях и вернуться в лоно официальной Церкви. Среди заключенных был также игумен Мошнегорского монастыря Иоасаф, беспоповец, склонивший в ересь весь свой монастырь. Несмотря на то, что соловецкие монахи обладали богатой библиотекой, они не имели достаточной подготовки для религиозной полемики. Им было не под силу переубедить Иоасафа в его заблуждении. Взятся за это приехавший на Соловки Арсений. Он долго устно полемизировал с Иоасафом и в результате этой полемики написал: "Увещание бывшему Мошенскому игумену Иоасафу, за раскол в Соловецком в заключении содержащемуся, мною нижайшим в той же обители Соловецкой сочиненное".⁷ В этом увещании Арсений прибегая часто к ссылкам на книгу "Камень Веры", доказывал старообрядцу о существовании Церкви не только на небе, но и на земле. Все сочинение написано под влиянием католических взглядов на церковную иерархию и Церковь. Арсений писал о том, что таинства церковные благодатны поскольку Сам Христос обещал хранить Церковь до скончания века. Далее он осуждал толкования о семитысячном периоде времени, которое считал частным мнением Оригена. Осуждал он также толкования о приходе Антихриста. В этом своем первом произведении Арсений ссылается умело на источники, которые считались старообрядцами за достоверные - маргарит и номоканон,⁸ а также на св. Писание и свв. Отцев.⁹ Однако, "увещание" Арсения не оказало на старообрядцев влияния, и они остались при своем прежнем убеждении, что в Православной Церкви нет более благодати, а только ушедшие в скиты, отвергшие официальную церковную иерархию, сохранили древнее благочестие. Благочестие и святость были тем, в чем прославились русские святые, выросла Церковь, в обрядах и обычаях в которых жили отцы и деды. Они отказывались принять "новую

веру от греков", которые изменили православие своим соглашением с папой, за что их покарал Бог падением Константинополя. Старообрядцы твердо верили в свою правоту, в идею Третьего Рима.

Так, вследствие своей поездки сначала в Сибирь, а затем в Соловецкий монастырь, Арсений близко познакомился со старообрядчеством и некоторыми его толками, что впоследствии ему помогло в борьбе против старообрядцев в Ростовской митрополии. Весной 1734 года Арсений уехал из Соловецкого монастыря в Холмогоры.

Летом в 1734 году была отправлена экспедиция к устью реки Оби для проверки открытий, сделанных капитаном Берингом. Почти одновременно четыре группы отправились в различные районы северной Сибири, чтобы исследовать весь берег Северного Ледовитого Океана. В Петербурге возлагали на эти экспедиции большие надежды, думая найти новые пути в Японию и Америку. Перед отправкой экспедиции к устью реки Оби, Арсений как раз приехал в Архангельск и там по собственному почину принял должность флотского священника.¹⁰ В составе экспедиции в море вышло два судна - "Экспедицион" и "Обь". Судна были очень перегружены материалами для зимовок. По неопытности организаторов экспедиции, однако, на них многое отсутствовало, в том числе медикаменты. В данной Морской Коллегией инструкции экспедиции приказывалось достичь устья Оби и делалось предостережение, что за нерадетельные поступки с членов экспедиции будет строго взыскано. Зиму провели члены экспедиции в устье реки Печоры в Пустозерском остроге. Там командиры обоих судов - лейтенанты Муравьев и Павлов завели знакомство с ссыльными, начали предаваться развлечениям, избивать и издеваться над жителями и, в конце концов, рассорились между собой. Вследствие этого в Петербург были посланы жалобы и доносы. Несмотря на то, что Арсений пытался помирить лейтенантов, разлад между ними продолжался. Из-за отсутствия согласия, они вышли в море для продолжения экспедиции очень поздно - 1 июня, из-за льдов не успели пройти к Оби и вернулись опять в Пу-

стозерский острог. Обоих лейтенантов разжаловали в матросы. Арсений был признан невиновным.¹¹

Находившемуся в экспедиции Арсению довелось наблюдать трудную жизнь матросов, видеть как их наказывали "кошками".¹² Арсений привык к совершавшимся наказаниям еще ранее, в Киеве и Сибири, и стал смотреть на них как на что-то неизбежное. В то время большинство не только правительственных лиц, но и духовенства наказывали провинившихся крайне жестоко, иногда за дела маловажные и с целью устрашить не столько наказуемого, сколько для примера другим.¹³ Во время экспедиции Арсений довольно спокойно относился и к издевательствам и совершавшимся офицерами насилиям над населением.¹⁴

Продолжительное следствие по делу экспедиции приучило Арсения практически смотреть на распоряжения светских властей. Вследствие лишений во время путешествий и зимовок у Арсения появилась цынга. Впоследствии он многие годы недомогал и мучился припадками болезни. Экспедиция продолжалась во главе с Малыгиным, одним из следователей по всему этому скандальному делу.

Арсению не платили жалованья и не давали отпуска. В 1737 году Синод сделал распоряжение выдать ему жалование и отпустить его в распоряжение Синода, так как он находился на тяжелой службе в Архангельской епархии добровольно. Однако Арсения из порта не отпустили под тем предлогом, что не был на это получен приказ из Морской Коллегии. Члены Синода начали хлопотать за Арсения, и Синод добился назначения Арсения на службу в Лондонской посольской церкви. Однако Адмиралтейская Коллегия не согласилась отпустить Арсения за границу до полного окончания следствия по делу экспедиции и добилась запрещения выезда Арсения даже из Петербурга. Один из членов Синода, епископ Вологодский Амвросий, принял к себе в дом приехавшего из Архангельска Арсения и исходатамствовал для него пост экзаменатора ставлеников при

Синоде. Одновременно с этой должностью Арсений получил должность законоучителя в Кадетском Сухопутном Корпусе. По документам Синода видно, что к Арсению посылали ставленников для обучения, среди них были игумены, священники и дьячки: для увещевания ему посылали раскольников и отступников от православия. Свящ. М. Попов пишет:

"...В исправлении должности экзаменатора у Арсения проявилось чрезмерное усердие. Видимо, он старался буквально выполнить то, что ему приказывали. И тяжело было у него ставленникам! Невзгоды морской службы, долговременный арест и двухгодовая судебная волокита в Муравьевском деле наложили свой отпечаток как на его здоровье, так и на характер. Упорство во всем, требовательность к подчиненным стали отличительными его чертами: Он требовал, чтобы каждый ставленник твердо обучился 'толкованию Символа Веры, семи таинствам и десятисловию'. При этом применял жестокие сибирские и морские приемы по отношению к ставленникам и заблуждающимся. Помимо наказаний телесных, сажания в покаянную и т.п. приемов, практиковавшихся тогда всеми, у него применялись пытки. Ростовский архиерей подал на жестокое обращение Арсения с подначальными лицами жалобу в Синод, так как на пытке у него умер ярославский игумен Трифон. Как и чем оправдался Арсений, — неизвестно, но в Синоде, не поднимая дела о смерти Трифона, ограничились внушением Арсению 'пытать впредь бережно'. Видно, что пытка была допускаема Синодом."¹⁵

Так сгладил в своем исследовании чрезмерную религиозно-служебную ревность Арсения священник М. Попов.

На самом деле вопрос обстоял несколько иначе. Это была эпоха принятия западных идей и практического их осуществления. В 1714 г. звание инквизитора было официально узаконено в России. Первым официальным Великим Инквизитором в России был назначен Петром Первым строитель Данилова монастыря, иеромонах Пафнутий. Он носил звание протоинквизитора. По епархиям были учреждены провинциал-инквизиторы. В их обязанности входило наблюдать, выведывать и доносить протоинквизитору, хорошо ли исполняют архиереи свои обязанности, не принимают ли взятки, правильно ли собирают со старообрядцев налоги. Им поручалось также наблюдать за появлением новых расколоучителей и всяких других людей, например рассказывающих о своих чувствах и снах, ловить их и отправлять под караулом в Синод. Провинциал-инкви-

зиторы сами не судили, допросов тоже сами не проводили и ни к чему не принуждали.

Религиозная нетерпимость существовала еще задолго до основания в России петровской инквизиции, пытали и жгли архиереев и других церковнослужителей, старообрядцы тысячами бежали на запад и восток, на север и юг, — подальше от цепких рук официальной Церкви. По гражданской линии в это же время действовала Тайная Канцелярия. Тысячи лиц были сосланы и казнены по ее распоряжению. Священник Диев сообщает в своей биографии Арсения, что Арсений был московским инквизитором короткое время и в течении этого времени и запытал вышеупомянутого 85 летнего игумена Трифона.¹⁶ В своем другом труде об Арсении свящ. М. Попов допускает что Арсений был короткое время инквизитором.¹⁷ Нужно заметить, что в описываемое время сожжения имели место в России. В 1738 году сожгли некого Тайгильду за принятие Ислама, в Тобольске сожгли двух женщин, извергнувших Св. Тайны.¹⁸

Только существование инквизиции и может объяснить причину, почему к Арсению посылали 'для увещания' и священников, и монахов, и даже дворян. От него зависела дальнейшая судьба посылавшихся к нему лиц, — решить, истинно ли они православные и нет ли у них каких отступлений в вере. Ведь, как известно из истории русской Церкви, такие дела не поручались другим иеромонахам или даже архиереям в описываемое время. Сам факт исполнения таких обязанностей доказывает нам, что, по всей вероятности, сам Арсений согласился на исполнение этой должности, и, главное, получил полную санкцию на эти действия от высших властей.

Синод продолжал посылать к Арсению людей и после смерти 85 летнего игумена. Для увещеваний и наставлений, присылали много раз к нему арестованного Олонецкого старообрядческого попа Евтихия Максимова.¹⁹ Присылался он к Арсению по распоряжению Синода. В том же 1738

году было Арсению поручено другое нашумевшее дело. С. Соловьев в своей истории, сообщает нам о нем мало:

"... никто не мог подумать, чтобы была опасность от еврейского закона, и однако флота-капитан-лейтенант Возницын был превращен в жидовство, и обрезан жидом Борохом Лейбовым; обрезание было совершено в Польше, в Дубровне. И обольститель и обольщенный были сожжены в 1738 г. ..."20

Почти все имеющиеся сведения об этом деле можно найти в Полном Собрании Законов Российской Империи.²¹

Как сообщается, дело капитан-лейтенанта разбиралось высшими сановниками империи при живейшем участии самой императрицы Анны Иоанновны. Нужно заметить, что и впоследствии и императрица Елизавета Петровна была яркой противницей евреев, не желала, чтобы они жили в ее империи или даже там торговали, хоть это и принесло бы ее казне доходы.

Жена капитана Возницына доложила самой императрице о том, что ее супруг не соблюдает православных праздников, надругивается над св. таинствами, но соблюдает еврейский закон. На произведенном допросе сам Возницын от возводившихся на него обвинений отказался и утверждал, что он не совершал преступлений против православной веры. Ему устроили очную ставку затем совершили медицинский осмотр и установили, что капитан Возницын обрезан. Возницына посадили в покаянную и поручили Арсению его увещевать. Историю "увещевания" Возницына сообщил сам Арсений.²² Из нее видно, что капитан утверждал, что он никогда не переходил в иудейство, и не обрезывался. Он объяснял что пострадал во время путешествий по Польше от морозов. "Я и ныне христианин, хочу исповедываться и приобщиться", заявлял он Арсению. По "увещанию" видно, что Арсений мог спасти бедного капитана, но этого не попытался сделать. Он даже не хотел Возницына приобщить св. Таин. Чем руководствовался при этом Арсений, неизвестно, но своим отказом он обрек Возницына на смерть.

К концу 1739 года Арсения назначили законоучителем в гимназию при

Академии Наук. В то время там было около 70 учеников различного происхождения и вероисповедания. На счет Синода отпечатали протестантский и католический катехизисы, но для занятий с учениками не было православного. Пришлось самому Арсению позаботиться о них.²³ В то время католикам и протестантам покровительствовали правительство и Синод, состоявший в то время из запуганных и терроризированных лиц. В царствование имп. Анны Иоанновны православных епископов даже ссылали и лишали сана за защиту православия перед лютеранами и кальвинистами, обвиняя их в противлении власти и подозревая заговор против правительства среди духовенства. После смерти имп. Петра Первого, во время частых смен императорской власти наступил один из самых тяжелых периодов в истории России. Законы, учрежденные в царствование Петра, проводились в жизнь и вызвали реакцию со стороны любителей старины и древнего благочестия. Протесты против нововведений вызвали борьбу и преследования. В ходе борьбы казнили кн. Долгоруких, А. Волынского и др., лишили сана Ростовского архиепископа - Георгия Дашкова, растригли архим. Платона Малиновского. Двух последних сослали в Сибирь. Судили архиеп. Архангельского Аарона, попрежнему мучили Феофилакта Лопатинского; пострадали Варлаам Вонатович, Иродион Жураковский. Как пишет М. Попов, "...наказания духовенству происходили в светских учреждениях и сопровождались беспощадной жестокостью: 'как злодеев', били шелепами,²⁴ плетями, кнутами и применяли всевозможные виды истязаний до сажания на кол."²⁵ Принижен был Синод, на заседании которого, бывало, присутствовало только два архимандрита, которые должны были решать дела Русской Поместной Церкви; решения туда правительство просто посылало, перестав считаться с мнением членов Синода.²⁶ В Синоде даже не знали, по какому делу, были сосланы правительством священники, монахи, схимники и архиереи.²⁷ В это же время правительство издавало указы о наборе людей

и церковного имущества на государственную службу. Сотни монахов и тысячи дьячков были расстрижены. Все делалось, чтобы пополнить поредевшие в турецкой войне войска. Тяжелое положение Церкви, безнадежные настроения у духовенства заставили более деятельных членов Синода искать людей, на помощь которых можно было бы рассчитывать. Южно-русские архиереи знали настроения Арсения и доверяли ему. Поэтому именно ему поручаются более серьезные дела. Помогла в выдвижении Арсению в большей степени и его близость к Амвросию Юшкевичу, бывшему преподавателю Киевской Академии, епископа Вологодскому, члену Синода.

В конце 1739 года Синод поручил Арсению так переделать службу на день Полтавской победы, чтобы ее содержание не было обидно шведам, с которыми к этому времени уже был заключен вечный мир. В свое время даже Петр Великий не был доволен резкими выражениями и собственноручно ее пробовал изменить. Арсений начал заменять в службе выражения, не соответствовавшие новому политическому настроению. Однако, "чтобы не потерять истории", Арсений заменил некоторые места так, что в исправленном виде службы Швеция была представлена не как политический враг, а как враг православной веры. "Король Шведский" у Арсения в тексте превратился во "врага на разум Божий возносящегося", а "шведский разум" превратился в "иконоборческое высокоумие". Такое исправление не удовлетворило ни Синод, ни правительство, и служба не была помещена тогда в месячную минею, а впоследствии, через 30 лет и вовсе была отставлена.²⁸

После того, как 20 мая 1740 г. Амвросий Юшкевич был назначен Новгородским архиепископом и первенствующим членом Синода, все дела местной Церкви сосредоточились у него в руках. Ему были необходимы помощники, и он всецело положился на Арсения. Дело Муравьева и Павлова, рассорившихся лейтенантов на Обской экспедиции, было вскоре прекращено, и их даже восстановили в чинах. Вероятно, произошло это из-за Арсения,

которому необходимо было добиться разрешения на выезд из Петербурга.²⁹

И действительно Амвросий стал брать Арсения с собой при поездках по обширной новгородской епархии. В то время, когда умерла Анна Иоанновна, Арсения не было в столице, он был по делам в епархии Амвросия. Императором стал малолетний Иоанн Антонович, а регентом при нем — Бирон. Однако почти через три недели произошел переворот, и Арсению так и не пришлось принимать присяги юному императору. В числе знатного столичного духовенства участвовать в церемонии погребения имп. Анны Иоанновны был назначен и Арсений. Новая правительница Анна Леопольдовна всецело передала все дела Церкви Амвросию Юшкевичу, который должен был докладывать непосредственно ей о проводившихся Синодом мероприятиях. Амвросий стал играть очень большую роль при дворе, его приглашали для совещаний даже при решении вопроса о наследнике престола. При его участии освободили ряд сосланных. Он добился от правительницы распоряжения освободить всех невинно осужденных в минувшее царствование и передал лично это распоряжение Синоду. Впервые за долгие годы Синод смело стал искать духовных лиц, которые были сосланы, или просто без вести пропали. Вскоре начали прибывать освобожденные, но многих так и не досчитались. Прибыл истерзанный пытками архиепископ Феофилакт Лопатинский, его доставили в новгородское подворье. Там же проживал и Арсений. Сюда приезжала царица Елизавета Петровна. Как пишет свящ. Попов, "Амвросий выдвигал Арсения при всяком удобном случае. Он и не мог обойтись без энергичных помощников, так как, по собственному признанию, был 'слаб головой', 'малопамятен' и оказывался бессильным там, где требовалось 'довольное рассуждение'.." ³⁰ Арсений несомненно был способным человеком, и поэтому неудивительно, что Амвросий советовался с ним о проектах реорганизации управления русской Церковью. Когда возник вопрос о назначении сибирского митрополита, то Амвросий сразу же выдвинул кандидатуру Арсения на этот высокий

пост, на что 10 марта 1741 года правительница Анна Леопольдовна дала Синоду резолюцию "на это пустующее место из представленных кандидатов произвести иеромонаха Арсения".³¹ Указ о назначении Арсения в митрополиты был получен в Синоде 12 марта, и на следующий день было совершено наречение, а 15 марта состоялась хиротония. Синод в это время состоял уже из трех архиереев и трех архимандритов. Рукоположение Арсения совершили Амвросий Новгородский и Стефан Псковский в церкви Казанской Божией Матери. Накануне хиротонии Арсений, однако, сделал добавление в обычный текст присяги для новопосвящаемых епископов. К словам "обещаю... последовати мне во всем и повиноваться всегда Синоду, его правильной власти..", он добавил: "от Христа и апостолов происходящей через хиротонию". По всей вероятности, в Синоде знали об этой приписке, но не обратили на нее должного внимания, хотя благодаря ей Арсений фактически ставил себя в зависимость не от гражданских, а от духовных властей. Впоследствии, через 20 лет, эта приписка послужила против Арсения, когда его обвиняли в неповиновении гражданским и духовным властям. Синод и Арсений обратились в Сенат с просьбой о помощи устроить переезд Арсения в Сибирь. Был издан указ о выдаче средств на проезд митрополита, сопровождающих его двух конвойных офицеров и трех служителей.

По пути в Сибирь к Арсению в Нижнем Новгороде обратился с просьбой прапорщик Афанасий Корсунский, которого послала Коллегия Экономии, с просьбой указать, в какой ему ехать монастырь на содержание. Арсений возвратил ему указ, сказавши, что он не допустит его даже на малые монастырские порции, и приказал ему ехать назад в Москву. В этом первом и мелком деле, касавшемся его епархии, характерно то настроение Арсения, с которым он ехал в Сибирь. Он сознательно игнорировал приказ светских властей, защищая церковное достоинство.

Протесты духовенства выражались и до этого, но робко и в виде

просьб. Монахи часто жаловались на посланных к ним военных, что те не работают, не помогают, а сквернословят и обижают монахов, вплоть до того, что их бьют, из-за чего некоторые монахи покинули монастыри.

В царствование Анны Иоанновны подобных жалоб уже не подавалось, и архиереи заставляли монастыри принимать всех военных, которых к ним посылали. Вследствие этого, отказ Арсения как бы нарушал создавшуюся традицию раболепного послушания духовенства светским властям. Вся же последующая борьба Арсения за свободу Церкви и протесты против хозяйничанья чиновников в монастырях явилось как бы новым веянием, несслыханным в жизни Церкви в течение долгого времени.

В пути Арсений несколько раз подолгу останавливался. Остановившись в Москве на целый месяц, он послал вперед, в Tobольск, манифест об освобождении из ссылки всех невинно пострадавших в минувшее царствование. В Верхнеудинске Арсению пришлось остановиться на три месяца. Арсений болел после экспедиции к устью Оби цингой, теперь болезнь осложнилась скорбутом. В Tobольск митрополит Арсений приехал в ужасном состоянии здоровья - с открытыми язвами на руках и ногах, с поредевшими волосами, усталый и бледный, но полный энергии и желанья к работе.³²

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
МИТРОПОЛИТ ТОВОЛЬСКИЙ

Приезд Арсения в Тобольск совпал со днем рождения только что восшедшей на престол императрицы Елизаветы Петровны. В этот же день курьер привез сообщение о ее воцарении. Елизавета Петровна покровительствовала духовенству и была очень религиозна. Зная ее расположение к себе, т.к. он считался тоже несправедливо пострадавшим в прежние царствования, и рассчитывая на свое знакомство с Елизаветой Петровной в доме у Амвросия Юшкевича, когда она была еще цесаревной, Арсений смело начал свою деятельность в епархии. Он спешно письменно поздравил царицу с восшествием на российский престол и одновременно сообщил ей о своем вступлении в правление епархией.¹

Среди русского населения Сибири были люди, которым не было места в Европейской России. Это были в большинстве ссыльные каторжане, прокравшиеся чиновники и управители имений, а также провинившиеся воеводы. Было много искателей счастья, которые ехали сюда в надежде быстро обогатиться. Было также много сосланных и бежавших сюда от преследований старообрядцев. Среди этого разношерстного русского населения жили запуганные новопринятые в христианство туземные меньшинства. Чувствовался острый недостаток в духовенстве, особенно образованном, так как местное было почти неграмотно и мало чем отличалось от своих прихожан. С этим духовенством у Арсения были расхождения в вопросе о церковном управлении. Местное духовенство привыкло подчиняться светским властям, которые со временем стали смотреть на Церковь как на часть своей администрации, вмешиваясь в дела назначения духовенства, постройки новых церквей и распределения налогов.² Священник Попов пишет что "... едва ли кто-нибудь из них ожидал твердого отпора со стороны молодого архиерея..."³

Арсений знал, как начать борьбу. Уже на следующий день после своего приезда он послал императрице письмо, в котором обвинял местную администрацию, среди которой, по его словам, царил дух "злехитроковарного врага Церкви" Остермана. Он писал ей, что "не от нерадения архиереев пустуют церкви и новокрещенные лишаются наставлений, а от гонений неразумных светских командиров, которые пастырское дело уничтожают".⁴ Арсений умело рассчитал свой ход, так как в это время так называемых "врагов Церкви" самих отправили в ссылку; Бирон со своими дочерьми находился в ссылке в епархии Арсения, а Остермана отправили в Березов. Прежние же ссыльные возвращались по местам своего жительства. Ужасы прошлого царствования были у всех на языках.

В Tobольск к Арсению прибыли пострадавшие, среди них был архимандрит Платон Малиновский, бывший ранее префектом киевской духовной академии, советником Св. Синода, но в 1732 году за книгу "Камень Веры" преданный суду Тайной Канцелярии, которая, подвергнув его телесным истязаниям, лишила его сана и сослала на Камчатку. Арсений сам, не сносясь с Синодом, вернул Платону клобук, монашеское одеяние и велел ему служить молебен в соборе по случаю восшествия на престол новой государыни. О восстановлении Платона в служении он просто сообщает в Синод и самой государыне, оправдывая свое действие тем, что Платон страдал "по единой враждебной злости злехитроковарного врага Церкви святой и отечества Российского, плута Остермана".⁵

Арсений освободил всех сосланных в его епархию духовных лиц, некоторых из них он приблизил к себе, некоторые поехали в Москву, чтобы восстановить свои права. Необходимо заметить, что Арсений освобождал даже известных ренегатов - перешедшего в униатство иеромонаха Гойлевича и певца Лодыженского, который принял католичество и заявил Синоду, что признает папу первым епископом и непогрешимым. Арсений сам его причастил и присоединил вновь к православию.⁶ Этим действием Ар-

сеный освободил Лодыженского от надзора светских властей и подчинил его епархиальному управлению.

Распоряжения Арсения показывают, что он ставил себе целью объединить вокруг себя духовенство и заставить его подчиняться исключительно духовным властям. Арсений наказывал тех, кто, по старым привычкам, слушал приказы воевод, и даже послал в Синод предложение распорядиться о том, чтобы духовенство, без ведома архиерея, не было обязано исполнять предписаний светских властей и чтобы не заставляли его составлять исповедные списки, так как последние надобны были только светским властям, которые пользовались ими, чтобы легче добывать деньги в казну штрафами "за небытие у исповеди".⁷ Арсений начал зорко следить за светскими властями и их отношением к Церкви, начал борьбу против Сибирской Канцелярии и, в особенности, против Коллегии Экономии. Духовную Консисторию, которая должна была ведать судом и управлять епархией, он в своих распоряжениях просто называл "наша домовая Консистория".

В своей деятельности Арсений основывался на том, что любой митрополит /архиепископ/, по закону 321 года имп. Константина Великого, имел право судить не только духовных лиц, но и мирян, и не только по делам религиозным, но и по всяким. Суд епископа считался безапелляционным, стоящим наравне с судом самого императора. Кроме того, архиерей обладал правом за тяжкие грехи подвергать позорному, публичному отлучению всякого, не исключая даже императора. Конечно, Арсений знал и содержание Духовного Регламента и об именном предписании Петра митрополиту Макарию Тобольскому - в случае безчинств со стороны бояр и воевод в Сибири поучать их "сначала с умилением, а там и с прещением".⁸

Как пишет Попов, Арсений обрушился на безчиния сибирских властей с замечательной, ранее никогда там не слышанной, смелостью... Каждая из его промеморий к светским властям проникнута кипучим негодованием

на допущенное ими нарушение церковных канонов, высочайших указов и, особенно, Духовного Регламента.⁹ Арсений успешно повел борьбу за независимость духовного сословия, архиерейского суда и церковного управления. Перед Синодом он сумел настоять на том, чтобы тобольских духовных лиц не отягощали постоями более, чем светских, и чтобы их не могло светское начальство обижать.¹⁰ На этой почве у Арсения возникло столкновение с губернатором Шиповым который по мнению Арсения, вмешивался в дела Церкви, стараясь выведать у попа Ермакова тайну исповеди одного казака. Сам губернатор заточил Ермакова в монастырь на три месяца для покаяния. Не разобравшись в деле, Арсений сгоряча лишил Ермакова духовного сана и только впоследствии узнал о том, что тот не сообщил губернатору тайны исповеди.¹¹ В то время дело Ермакова послужило Арсению предлогом новых попыток ослабить влияние светских властей в духовных делах. Арсений стал жаловаться в Синод, и тот затребовал от губернатора Шипова объяснений. Дело Ермакова было передано на разбирательство в Сенат. Местные тобольские власти узнали о том, что Арсений переписывается непосредственно с императрицей и имеет влияние при Синоде, и стали распоряжаться с большей осторожностью.

Приехавши в Сибирь, Арсений доставил много хлопот светским властям, но добился какого-то контроля над их действиями. Он непрестанно писал письма в различные инстанции как столичные, так и местные и, как он сам об этом пишет, "... все это не для того, чтобы обвинить воевод и не в защиту священников, но чтобы показать, как ныне бедное священство гонят..., куют и бьют, как злодеев.." Когда Синод начал разбирать действия Арсения в Сибири, то члены Синода признали их за защиту Церкви, и, понятно, стояли полностью на стороне Арсения.

Миссионерство было в Сибири плохо поставлено: дальние расстояния и недостаточное количество миссионеров, редкое православное население, множество старообрядцев, - все это затрудняло миссионерскую

деятельность. Самым плохим было то, что миссионеры, приехав в Сибирь по поручению Синода, встречали различные препятствия в своей деятельности со стороны светских властей. Часто после проповеди какого-нибудь проповедника властям приходилось посылать солдат для наведения порядка. Много было жалоб и на то, что новокрещенных обижали. Так или иначе, но было создано двоевластие и светские власти всячески боролись за контроль над населением Сибири. Неоднократно духовенство не допускало светские власти к проверке населения в церковных вотчинах.¹² Духовные власти также препятствовали расследованию деятельности приказчиков духовных вотчин. Препятствовал в этом и Арсений. Как и остальное духовенство, Арсений не хотел понять постановлений правительства о том, что все пушные меха в Сибири могли меняться только с разрешения правительства, которое монополизировало этот промысел для своих доходов. Между Арсением и Губернской Канцелярией возникло дело по поводу священника Степанова, который обменял с вогулами для себя меха. Арсений составил целый список ошибок, совершенных в этом деле светскими властями, при этом опять воспользовался своим излюбленным методом - обвинил их представителей в политической неблагонадежности. Воеводе Копьеву он предъявил обвинение в том, что тот заковал Степанова в кандалы в радостный день восшествия на престол государыни. Арсений потребовал расследования этого эпизода, изменив суть всего дела настолько, что ставилась под вопрос вся деятельность светских властей Пелымы, а не священника Степанова, которого по решению Арсения должен был судить духовный суд.¹³ В ходе своей борьбы со светскими властями, Арсений писал не только грозные письма местным правительственным учреждениям, но также в Синод и самой императрице.

Внимание Арсения привлекло то, что на Екатеринбургских заводах, администрация распоряжалась в делах, которыми, по его мнению, должны

были заниматься духовные власти. Администрация заводов обратилась к предшествующим митрополитам с просьбой, чтобы те никого не посвящали в духовный сан для приходов на заводах без ее ведома и согласия. Сама заводская канцелярия при этом распределяла приходы духовенству и даже судила духовенство. По собственному решению, эта же администрация снесла церковь. По указам светских властей воеводы ведали сбором налогов со старообрядцев и судом над ними. По мнению Арсения, этими делами должна была весть церковная власть. Возмущенный Арсений написал по этому поводу в Синод донесение, в котором докладывал, что так как по указам властей теперь судом над старообрядцами ведаёт губернатор, его властью разрушаются церкви и назначается на приходы духовенство, то что же остается делать архиерею? Какая власть и какие права остались у него в Сибири? Ввиду того, что Арсений преувеличил в описании бедственное положение Церкви в Сибири и представил светские власти в отрицательном свете, то дело было Синодом направлено в Сенат, который решил, что администрация заводов не должна вмешиваться в епархиальные дела. Деятельность Арсения проявилась не только в этих делах. После того как он отказался принять в какой либо монастырь на содержание офицера Корсунского, он начал внимательно следить за деятельностью Коллегии Экономии. Рассмотревши ее дела он нашел, что в течение того времени, когда не было архиерея, в монастыри было принято на содержание на два офицера больше положенного количества. В это время опять прибыл Корсунский и еще один офицер, с той же просьбой принять их на содержание в монастырь. Арсений написал жалобу на Коллегию Экономии самой императрице, прося у нее защиты.¹⁴ В это же время Арсений послал письмо в Синод, от которого требовал защиты от Коллегии Экономии, и уверял Синод, что иначе Коллегия "... по своей дерзости, не только присылкой, без рассмотрения, офицеров в бедные моей епархии монастыри на пропитание с великим им жалованьем, но и другими примет-

ками может весьма нас утеснить и поработить себе.." Он отправил одно- временно со своим донесением в Синод также копии переписки между архи- ерейской канцелярией и Коллегией Экономии, чтобы в Синоде могли ясно видеть, как это учреждение следит за всеми лишними средствами в мона- стырях. Арсений прямо призывает духовенство к неподчинению властям:

"... пора перестать архиереев считать приказчиками, а коллегных светских чинов - своими помещиками, пора так- же запретить своим подчиненным духовного ведомства слу- шать предписания и распоряжения светской власти, так как настоящий командир их - не светская власть, а свой архиерей.."16

Коллегия Экономии для своей защиты и для оправдания своей работы была вынуждена составить докладные записки, в которых доказывала, что она продолжает политику Монастырского Приказа и своими указами как бы проводит в жизнь мысль Петра Великого о том, чтобы отстранить монахов от управления именьями, а материальные излишки у духовенства отдавать на богадельни и на бедные монастыри. По этому поводу завязалась поле- мика между духовенством и Коллегией Экономии. О роли Арсения в этой полемике свящ. Попов пишет:

"... в знании и применении таких указов не менее искус- ным, чем члены Коллегии Экономии, оказался и Тобольский владыка. Артистически пользуясь указным материалом, он возражал, что значение высочайших указов о недвижимых именьях Церкви - временное. При Петре Великом оно вы- нуждалось истощением государственной казны и неотложной нуждой устроить инвалидов Великой северной войны. В ми- нувшее же царствование во главе правительства стоял злой и коварный враг Церкви Остерман, который не приз- навал другого права, кроме политики, и сборы с духовных вотчин равнял с раскольническими штрафами.."17

В ходе дальнейшей полемики Коллегия Экономии указала, что по пра- вославному учению, "вера без дел мертва есть", что христианин должен стремиться к стяжанию духовных ценностей, а тем более должны это де- лать монашествующие, которым было по указу 1701 года повелено "в буду- щем более владениями поместий не обладать, т.к. это мешает исполнению монашеских обетов". Однако Арсений повторил слова своего предшественни-

ка по Ростовской кафедре, Георгия Дашкова о том, что монастыри и церкви не богадельни.

Коллегия Экономии, будучи основанной в тяжелое время, когда шла Великая Северная война 1700 - 1721 и страна терпела громадные убытки, старалась воспользоваться всеми возможными источниками, чтобы пополнить государственную казну. С тех пор, государство постоянно нуждалось в средствах и поэтому сокращало свои расходы, наполняя монастыри и епархиальные дома отставными солдатами, сумасшедшими и заключенными. Вследствие этого, духовенство было крайне раздражено против Коллегии Экономии. Возникла взаимная ненависть и появились из-за этого нелады в сборах денег с церковных имений, что, конечно, отозвалось на государственной казне. Поэтому, в 1738 году, номинальная зависимость Коллегии от Синода была прервана и она была передана непосредственно в ведение Сената. Коллегия стала заводить точные списки монастырей, церквей, духовенства и крестьян, принадлежащих Церкви. Духовенство всячески препятствовало учету своего имущества, ссылаясь на то что это имущество Божие. Из-за нехозяйственности у духовенства и раньше было много нехваток, но с того времени, когда церковные имения были взяты в управление Коллегией Экономии, оно стало винить это учреждение во всех своих невзгодах. Сильное чувство враждебности к светским властям было у большинства духовенства и Арсений, обратившись со своим призывом из далекой Сибири "защитить угнетенную Церковь", ждал дружной поддержки со стороны всего духовенства.

В то время, как отношения между духовными и светскими властями в Сибири натянулись до крайности, из столицы пришло предписание, исходящее от Сената и от Синода, чтобы Арсений выехал в Петербург. Со страхом и облегчением сибирские власти снарядили грозного владыку в путь. Всего только 40 дней он пробыл в Тобольске и полгода в Сибири, но за это время успел разжечь страсти как в Синоде, так и в Сенате.

В то время власти отвыкли от того, чтобы духовенство защищалось, тем более - методами Арсения, фанатически преданного идее о том, что Церковь руководится Святым Духом. В этом Арсений явился выразителем настроений всего южнорусского и некоторой части и великорусского духовенства, которое смотрело на него, как на защитника правды. Своими протестами он подал пример не только другим епархиальным архиереям, но также и Синоду; все стали протестовать и жаловаться светским властям. Вследствие жалоб Арсения на губернатора, Сенат решил даже арестовать губернатора Шипова, а Коллегии Экономии предписал, что "солдат в Tobольскую епархию на прокормление не посылать, владыке не делать указов как будто бы подчиненному, указом ее императорского величества запрещено".¹⁸ Сенат также издал указ, запрещающий сибирскому губернатору, вопреки указу Петра Великого, отдавать духовных лиц под светский суд без разрешения духовного начальства. В Сенате постановили также послать выговор самому Арсению за употреблявшиеся им обидные выражения по адресу Коллегии Экономии и пригрозили его оштрафовать. Однако, этот выговор до Арсения не дошел, так как тот был уже в пути в столицу на коронацию императрицы Елизаветы. Путь в Петербург занял у Арсения из Tobольска всего полтора месяца а не восемь, которые он провел в дороге туда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЛЕН СВ. СИНОДА

Приехав в Петербург, Арсений оказался там единственным русским митрополитом, так как этот титул к тому времени стал постепенно исчезать в Русской Церкви. Это было результатом политики, стремящейся уничтожить подчинение одних архиереев другим.¹ Два других митрополита, находившихся в Петербурге, были нерусские по происхождению и даже находились под следствием, так как оба обвинялись во взяточничестве. Приехав в Петербург, Арсений встретил в Синоде новых лиц, развивших кипучую деятельность. Разбирались дела по освобождению невинно заключенных в течение минувшего царствования. По указу Синода, освободили из монастырей дочерей Бирона и некоторых из князей Долгоруких. Дела бывшего невинно в ссылке духовенства разбирались, и им возвращалось их прежнее положение.

Вступившая на престол императрица Елизавета щедро раздавала милости, одаривая своих сторонников именьями, чинами и наградами. Все классы общества питали радужные надежды на улучшение своего положения. Сама императрица добивалась популярности в народе и армии. Историк Н.Н.Костомаров указал, что с января 1742 года было разрешено подавать лично государыне прошения. Для этого был даже назначен определенный день недели. Но это продолжалось недолго. В мае того же года последовал указ подавать прошения в соответственные государственные учреждения.²

Приехавшего в Синод Арсения встретили с почетом. По делам подготовки коронации его стал брать с собой во дворец первоприсутствовавший /председательствовавший/ в Синоде покровитель Арсения, архиепископ Новгородский Амвросий. Они вдвоем пытались убедить императрицу в

необходимости коренного переустройства управления русской Церкви, не нарушая петровских начинаний.

К 15 апреля Арсений составил для императрицы обширный доклад "О благочинии церковном"³, который был подписан также и Амвросием. В докладе, состоявшем из 25 листов, говорилось о том, что Св. Православная Церковь ведет свое начало от Иисуса Христа и Свв. Апостолов. Иисус передал власть Апостолам, а они, в свою очередь, - епископам. При помощи ссылок на Св. Писание и свв. отцов Арсений доказывает важность положения епископа. Если веровать во Христа, то тогда самой высшей властью на земле следует признавать власть епископов, - пишет он. Всех тех, кто когда либо вмешивался в дела церковные, постигла Божья кара. Арсений приводит примеры таких наказаний из св. Писания и истории. Он тут же говорит, что он понимает под церковными делами; вмешательство светских властей в функции епископа он называет незаконным. Используя 12 главу Послания ап. Павла к Коринфянам, он пишет далее: "положи Бог в Церкви, первое апостолы, второе пророки, третье учителя, а не цари. И прочая писания повелевают церковные дела церковным учителем управляти, а не царем".

Свой доклад Арсений начал с угрозы анафемы тем, кто учит иначе, чем учил Христос и апостолы. Он возвратился опять к этой угрозе, говоря об управлении Церкви. Он указал на незаконность упразднения светской властью патриаршества и замены его Синодом, свойственным протестантам и похожим на иудейский Синедрион. Арсений указывает, что патриархи ставились с соизволения царей и дела при патриархах не затягивались. При них были архиереи, совместно с которыми решались дела Церкви. Арсений высказал мысль, что без патриаршества происходит "уничужение нашего Российского благочестивого государства". Из истории он напомнил об Арии, который тоже обманул благочестивого императора Константина, как и "зловарные" люди "своими происками неповинную душу преблагочестивого и

предражайшего монарха Петра Великого слово в слово так смущали и обманывали..". В своем докладе Арсений указал, что Российская Церковь никогда не добивалась царской власти, как это делали римские папы, которых российская Церковь с самого своего начала предала проклятию за новшества в догматах веры и гордость. "Гордость же папская не иная, точию делать себе главою Церкви совершенною крайним и верховным судьей, в презрение всех правил церковных и соборов, делать себе самодержцем необычным, сиречь, царем и архиереем, царем над царями и архиереем над архиереями". К этому не стремится русская Церковь, продолжает Арсений, но старается о своих чадах и о благе государства. О содержании духовенства в св. Писании сказано, что "служащие алтарю со алтарем делятся", поэтому Церковь нужно освободить от нападков и грабительств, чинимых Коллегией Экономии, и устроить патриархат или поставить митрополита во главе Церкви, как это было с начала русской Церкви. Необходимо назначить в Москву архиерея, чтобы ее епархией управлял он, а не чиновники. В Синоде, писал Арсений, нужно иметь президента и вице-президента /по Духовному Регламенту, назначаемых из архиереев/, а обер-прокурора и генерал-прокурора /чиновники, назначаемые для представительства в Синоде светской власти/ упразднить, так как им там делать нечего. Не было дано власти светским "вязати и решити". О всех духовных делах сам Синод может докладывать государю. В своей критике Синода, Арсений высказал также опасение, что туда могли быть назначены даже не православные, а лютеране, кальвинисты и паписты, и тогда бы он более не оставался святейшим.

Докладом Арсения были недовольны не только служащие Коллегии Экономии и близкие к императрице люди, но даже и некоторые духовные лица. Для его составления Арсений умело подтасовал тексты св. Писания, события истории и, грозя карой Божией, пытался убедить императ-

рицу вернуться к старым московским обычаям. Служащие Коллегии Экономии, под защитой членов Кабинета, представили в свою очередь доклад о благотворной деятельности этого учреждения, обвиняя во всех нестроениях в государстве духовенство.

Ввиду создавшегося положения в борьбе за интересы духовенства, в которой главную роль играл Арсений, Амвросий приложил старания к недопущению его отъезда обратно в Сибирь. Он попросил императрицу о назначении Арсения на Ростовскую или Крутицкую епархию и о назначении его членом Синода. В Сибирь, писал он императрице, Арсений не может отправиться ввиду плохого состояния здоровья.⁴ 28 мая Арсений был назначен на Ростовскую кафедру и членом Св. Синода, где он был единственным митрополитом.

В составе Синода вместе с митрополитом Арсением стало 5 архиереев. Старше Арсения по хиротонии были рукоположившие его Амвросий Новгородский и Стефан Псковский. При появлении Арсения на заседании в Синоде среди архиереев сразу возникло недоумение, какое место тут ему занять? Если бы он обладал добродетелью смирения, то в Синоде увидели бы странное явление: митрополит сидел бы ниже епископа.⁵ Но Арсений, занявший высокое положение в Церкви, не собирался ставить себя ниже других архиереев и начал действовать черезчур смело и самостоятельно. В высоком своем сановном положении, он смотрел на себя как на непосредственного слугу императрицы и считал себя в праве к ней прямо и обращаться.⁶ Со времени упразднения в России патриаршества у русских архиереев местничество было сильно: ближе сидевший к президенту по месту мог и сам рассчитывать скорее других занять место президента.

Как духовенство, так и чиновники ожидали продолжения стараний членов Синода о восстановлении в России патриаршества, но с назначением Арсения членом Синода вышло так, что это высшее духовное учреждение занялось второстепенными для Церкви вопросами. 2 июня на засе-

дание Синода не пришли ни сам Амвросий Новгородский, ни Стефан Псковский, и Арсений первоприсутствовал /председательствовал/. Свою деятельность в Синоде Арсений начал усердно. На этот раз первым объектом его "поучений" стал сам Сенат, которому он, не задумываясь, сделал "внушение" о несоблюдении Сенатом нового указа о лицах духовного сана. В Синод прислали закованных монахов по обвинению в непринесении присяги новой императрице. Арсений указал в поучении Сенату на то, что по указу их сначала должны были допросить в светском суде. Здесь видна нелогичность поступков Арсения, который требовал от духовенства, чтобы те не обращались к светским властям по духовным вопросам, а от светских властей добивался невмешательства в духовный суд. Вторым делом на повестке дня было сообщение Синоду самим Арсением из Тобольска дело о губернаторе Шипове, который притеснял сибирское духовенство. Губернатору был послан строгий выговор с указанием удовлетворить обиженных им духовных лиц.

Фактическое правление Арсения Синодом было кратковременным, так как на последовавшие заседания члены Синода перестали являться, занявшись полностью вопросом о степени старшинства своих епархий.⁷ Все дела Синода стали, и пришлось запросить саму императрицу разрешить спор архиереев о том, на какую степень старшинства поставить епархии. Императрица не спешила с ответом. Наконец, к концу года, она решила поставить епархии в следующей последовательности: Киевская, Новгородская, Московская, Петербургская, Казанская, Астраханская, Тобольская, Ростовская, Псковская, Смоленская и Крутицкая. Однако и после этого решения императрицы архиереи не помирились между собой и продолжали не ездить в Синод на заседания, на этот раз, — "по болезни". Перестал являться туда "по немощи" и Арсений, хотя он присутствовал всегда на придворных торжествах.⁸

Тогда же, по вине Арсения возникло новое осложнение. Он не поже-

лал принести присягу, требуемую от члена Синода. Он был несогласен с ее текстом, в который в царствование Анны Иоанновны было сделано добавление не предусмотренное Духовным Регламентом. Как писал сам Арсений, он "без особого Вашего Величества Указа исполнить присяги тогда и не смел". В этом своем докладе императрице,⁹ Арсений жаловался на Синод, что в тексте присяги отсутствовало имя наследника престола, внука Петра Великого, Великого Князя Петра Феодоровича, а также и на то, что его, покорного царской воле, обидели в Синоде: епископ Псковский Стефан занял его, Арсения, место. Затем Арсений указывает, что он уже ранее присягал как самой императрице, так и наследнику.

Своим отказом принять измененную формулу присяги, Арсений опередил всех других архиереев русской Церкви, совесть которых мучила их до 20 века. Но в то время этим своим выступлением Арсений восстановил против себя как членов Синода, так и чиновников. Еще в первом своем докладе императрице, Арсений критиковал папу Римского за то, что тот стремился "делать себя главой Церкви, совершенно крайним и верховным судьей..."¹¹, а теперь, по той же причине, он по своей совести не может подписать присягу, в которую внесено "исповедую с клятвою Крайнего Судю быти самую всероссийскую монархиню". Для духовных лиц, пишет он, не может быть другого Верховного Судьи, кроме Христа. Чем же мы тогда отличаемся от католиков, спрашивает он.

Значение митрополита Арсения было таковым, что для него присягу исправили так, как он этого пожелал. Но он и после этого ее не подписал,¹⁰ ожидая пока не разрешится вопрос "о заседании в Синоде по степеням". В ожидании этого решения Арсений занялся делами своей новой епархии.

Таким образом, попытка восстановить патриаршество в России в период более всего для этого подходящий не удалась из-за несогласий в среде самого духовенства. Если бы даже императрица и восстановила па-

триаршество и уступила духовенству в вопросе об управлении церковными имениями, то это была бы все равно только временная уступка - оттягивание окончательного решения вопроса о преобладании власти. Не отдельные лица делают историю, но создающееся с течением времени общество этих лиц выдвигает, и они являются как бы выразителями чаяний этого общества, как более к этому способные по занимаемому ими положению. Выразителем чаяний части духовенства и был Арсений Мацеевич; но к этому времени многие лица духовного сословия успели оценить положительные стороны коллегиального управления, не хотели потерять занимаемых ими мест и были поэтому яркими противниками возврата к старой системе управления Церкви. Духовенство не могло более быть конкурентом государственной власти. Оно своей деятельностью показало мелочность своих интересов, несовместимых с идеей империи. Тлетворность такой конкуренции и послужила главной причиной, почему в период Империи сотрудничество между государственной властью и духовной почти прекращается, и Церковь становится как бы частью государственного аппарата.

Согласно Духовному Регламенту, Арсений, в качестве члена Синода, должен был все свое внимание сосредоточить на общем синодальном управлении, а в своей епархии иметь кого-нибудь замещающим. В его случае, полномочными управителями были бы чиновники его архиерейской канцелярии. Так управляли своими епархиями остальные члены Синода. На его запрос из Синода прислали ему список нерешенных дел по Ростовской епархии. Из Ростова он получил сведения от архиерейской канцелярии о составе служащих и о средствах. Ростовский архиерейский дом превосходил по количеству служащих почти все другие епархии. Под его ведомством была самая обширная и богатая епархия в России, и она требовала больших усилий администрации. С течением времени, в епархии накопилось множество неотложных дел, недоразумений с властями и частными владельцами. Многочисленное духовенство епархии и крестьяне ждали от Арсения

решений. Вот в каком виде увидел Арсений свою епархию по поданным ему отчетам. Однако, несмотря на свое богатство, поражавшее воображение, ростовская епархия на самом деле была в печальном состоянии. Все ее имущество было разбито на множество хозяйств. Оброк с крепостных уже в продолжении 4 лет шел непосредственно Коллегии Экономии. Некоторые хозяйства были бездоходными. За умерших и беглых крепостных платили подушную подать. В монастырях проживало много военных.

Все это напомнило Арсению Сибирь. Он принялся за дела и начал протестовать против притеснений со стороны Коллегии Экономии и светских властей. Несмотря на протесты Арсения, Коллегия, зная, что в епархию послано более чем следует военных, посылает туда еще больше и, не желая уступить Арсению, подает на него жалобу в Сенат, в которой указывает, что можно немного сократить средства, отпускаемые на содержание монахов, и отдать избыток помещаемым солдатам. В результате этой жалобы, Сенат предложил Синоду заставить епархиальных епископов не отказываться принимать отставных солдат на содержание, особенно Ростовскому архиерею, иначе его примеру последуют другие. Синод запросил Арсения обо всем деле.¹¹ Арсений начал подавать бесконечные жалобы на различные учреждения. Он протестовал, что без него Коллегия назначила в его дом Григория Терпигорева приказным; Ивана Горицкого, его служителя, отдали под суд; без его ведома открыли сбор в пользу полковых священников. Он потребовал от Коллегии приказных удалить, а судебные дела передать ему, в дальнейшем Коллегии никого не назначать не судить, не наказывать и не собирать лишних сборов. В своем письме Коллегии Арсений описал историю Юлиана Отступника с обидными для этого учреждения подробностями. Коллегия подала, в свою очередь, жалобу на Арсения в Сенат, указывая что она "ведала суд, расправу и сборы с 1701 г. и действует по высочайшим указам".¹² Но Арсений продолжал протестовать против посылки солдат на содержание в монастыри и предложил послать их на содержание коллежским членам. Он подает жалобу и

самой императрице, сетует на скудость епархии, просит освободить её от всяких платежей, и просит отпустить его туда. На запрос императрицы, Коллегия Экономии прислала ей заключение, в котором назвала просьбы Арсения необоснованными. Императрица не отпустила Арсения в епархию; он присутствовал на обряде присоединения к православию наследника престола, герцога Шлезвиг-Гольштинского. По этому случаю Арсений произнес слово, в котором выражал уверенность, что имя Петра еще процветет при его преемнике, носящем имя своего великого деда.

Вновь Арсений сделался "всемогущим" при дворе и в Синоде. Ему и Амвросию Юшкевичу императрица поручила такие важные церковные дела, как подбор кандидатов на свободные епископские кафедры и на архимандричьи места. Арсений и Амвросий выдвинули на все вакансии малороссов, за исключением Димитрия Сеченова, назначенного на Крутицкую епархию, но и то, по их замечанию, "ради образца прочим великороссам, чтобы имели охоту к учению".¹³ Ранее Арсений покровительствовал архимандриту Димитрию Сеченову; именно поэтому и была выставлена его кандидатура.¹⁴ Арсений также посоветовал императрице дать новые титулы епископам: "Московский и Владимирский" и "Петербургский и Шлиссельбургский". Старания Арсения и Амвросия не пропали даром: открылись особые епархии, и с 1 сентября 1742 года, вопреку Духовному Регламенту, Синод перестал ведать московской епархией, которая стала управляться отдельным архиереем.

При таком стечении обстоятельств положение Коллегии Экономии сильно пошатнулось; её упразднение казалось весьма возможным. Арсений даже предлагал на суммы, поступавшие в жалованье коллежским членам, содержать лазареты и богадельни. Синод постановил сократить жалованье президенту Коллегии, ген. Волкову, с 3.600 на 1500 рублей, а императрице подали просьбу об упразднении Коллегии Экономии. Синод при этом ссылался на враждебные церковному строю высказывания Коллегии о вреде

монашества для государства. Синод ходатайствовал об упразднении Коллегии на том основании, что она неспособна к управлению: она тратит средства не на те цели. Синод просил также о возвращении имений и о том, чтобы ему подчинили синодальный, дворцовый и казенный приказы.¹⁵ Далее Синод начал необдуманными поступками возбуждать против духовенства не только рядовых чиновников, но и заставил задуматься членов Государственного Кабинета о том, что власть в государстве неделима. Синод перестал отпускать деньги на Академию, госпиталь, заштатным архиереям, президенту Коллегии Экономии и т.д.

16 октября 1742 г. Арсений произнес слово на освящении церкви кн. Куракина. В присутствии всего двора он назвал императрицу Второй Пульхерией, защитницей Церкви, так как она защищает ее от "немилостивого христоненавистного грабительства". Он привел также слова пророка Иеремии. В редакции Арсения выходило так, что не следует молиться за тех, кто действует против Церкви.

Арсений добился отмены постановления Сената, чтобы при церквях за порядком наблюдали офицеры и провинившихся штрафовали. Вообще, по мысли Арсения, вводить в церкви штрафы неуместно и может даже привести к беспорядкам. Охранение церковного порядка было возложено исключительно на духовных лиц.¹⁶

В поданном следующем докладе государыне, Арсений говорит о Коллегии с канонической и практической точки зрения. Он находит, что в восстановлении московской епископской кафедры нет ничего противного Духовному Регламенту, проводит параллель с тем, что хотя Сенат находится в Петербурге, он не заменяет собой губернатора. Коллегия же по словам Арсения присвоила себе власть не епископа, а патриарха, и проявляет её посылая указы архиереям. Поскольку московская епархия велика, Арсений советовал назначить епископов в Тамбов, Кострому и Пензу. Арсений обвинил Коллегию в том, что она не беспокоится о распространении среди

инородцев раскола, не заботится об обращении их в православие. Все это — предметы ведения епископа. Далее он пытался описать материальные выгоды для государства от управления церковными именьями духовенством.

2 декабря 1742 года Арсений вместе с Амвросием были на аудиенции у государыни, после которой А. Разумовский им сообщил, что императрица желает освободить Церковь от Коллегии Экономии. Им следует подать докладную записку императрице о том, как раньше, до учреждения Коллегии, управлялись церковные именья.¹⁷ Арсений, опять совместно с Амвросием, составил в несколько дней доклад, в котором проводит красной нитью мысль о неприкосновенности церковных имений. Для этого он ссылается на "Православное Исповедание", "Апостольские Правила" и Священное Писание.¹⁸ Он даже упомянул в докладе, что государство должно содержать пограничные и заграничные церкви. Те суммы, которые употреблялись на содержание Коллегии, он еще раз предлагает направить на благотворительность. Он резко критиковал исповедальные книги,¹⁹ из-за которых было много недоразумений.

Оказавшись под покровительством императрицы и первоприсутствующего архиерея Синода, Арсений с большей смелостью стал представлять свои мнения в Синод, особенно, касавшиеся всей русской Церкви.²⁰ Всюду возрастало недовольство его самоуправством в делах Церкви. В Сенате, в Синоде, в Коллегии Экономии и в Военной Коллегии, — везде узнали его, как беспокойного архиерея, заводящего новшества и делающего всем выговоры, вплоть до Сената, без сношения с высочайшей властью.²¹

Воспользовавшись перерывом заседаний в Синоде по случаю переезда двора императрицы из Москвы в Петербург, Арсений, почувствовал к себе враждебное отношение со стороны и светских лиц, решил уехать в свою епархию. Не спросивши разрешения Синода, он уехал в Ростов.

В Ростове к его приезду усердно готовились. По всей дороге от Москвы до Ростова были поставлены курьеры. Дворяне выехали навстречу

Арсению. За 12 верст от Ростова Арсения встретило купечество. В Яковлевском монастыре его ожидало городское начальство с воеводой во главе и многие горожане.